

6. Лаврут О. О. Прояви девіантної поведінки студентів УСРР у 1920-ті роки // Гілея (науковий вісник): збірник наукових праць. – К., 2010. – Випуск 39. – С. 73-80 та ін.
7. Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. – Одеса: ТЕС, 2010. – 428 с.
8. Культурне будівництво в Українській РСР, 1928–1941: Зб. док. і матеріалів. – К., 1986.
9. Новий набір в Одеському державному університеті // Чорноморська Комуна. – 1935. – 10 серпня; Державний архів Одеської області (ДАОО). – Ф. П–11. – Оп. 1. – Спр. 878.
10. ДАОО. – Ф. П–11. – Оп. 1. – Спр. 1395.
11. Там само. – Ф. П–11. – Оп. 1. – Спр. 1564.
12. Там само. – Ф. П–11. – Оп. 1. – Спр. 878.
13. Там само. – Ф. П–20. – Оп. 2. – Спр. 5.
14. Збірник наказів НКО. – 1936. – № 17.
15. Збірник наказів та розпоряджень НКО УРСР. – 1938. – № 33. – Ст. 306.
16. ДАОО. – Ф. П–20. – Оп. 4. – Спр. 44.
17. Там само. – Ф. П–11. – Оп. 1. – Спр. 1236.
18. Чорноморська комуна. – 1936. – 15 вересня.
19. Студенти працюють на виборчих дільницях // Молода гвардія. – 1938. – 12 травня.
20. ДАОО. – Ф. П–20. – Оп. 1. – Спр. 87.

УДК 94:327+615.8

ЯЛТА И НИЦЦА В XX ВЕКЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ ДВУХ “КУРОРТНЫХ СТОЛИЦ” [1]

А.Д. ПОПОВ,

канд. ист. наук, доц.,

Крымский экономический институт ГВУЗ “КНЭУ имени Вадима Гетьмана”

(Украина)

Начиная с конца XIX в., после постройки в непосредственной близости от Ялты летней резиденции императорской семьи – Ливадийского дворца, этот приморский город начинает играть роль “курортной столицы” Российской империи. На протяжении всего советского периода Ялта оставалась эталонным местом престижного летнего отдыха для граждан СССР. Предел мечтаний советского обывателя сводился к весьма незамысловатой формуле, озвученной героем известной кинокомедии “Джентльмены удачи” Косым: “Автомашину куплю с магнитофоном, пошью костюм с отливом, и – в Ялту!”. К середине 1980-х гг. этот город-курорт ежегодно посещало около 1,4 млн. туристов и рекреантов, что более чем в 10 раз превышало его население [2, с. 38]. Органы государственной власти, жители и гости Ялты на протяжении всего XX века осознанно или невольно участвовали в конструировании социокультурного пространства “Русской Ривьеры” (в советское время – “Красной Ниццы”), т.е. образцового отечественного курорта, который по своему уровню должен был “догнать и перегнать” лучшие мировые рекреационные центры. А поскольку в представлении жителей Российской империи и Советского Союза самым модным и известным зарубежным приморским курортом считалась Ницца, то именно этот город, расположенный на Лазурном берегу Франции, стал для Ялты своеобразным ориентиром достижения, скорее воображаемым, нежели реальным конкурентом.

Масштабные общественно-политические трансформации, происходившие

в прошедшее столетие, не могли не отразиться на судьбе двух “курортных столиц” и отношениях между ними. На рубеже XIX-XX вв. Ялта реально рассматривалась как альтернативное Ницце, хотя и гораздо менее привлекательное место отдыха для представителей привилегированных слоев населения Российской империи. Сопоставления между ними были конкретными и логически обоснованными. “В Ницце сейчас действует три театра, ... имеется первоклассный цирк, несколько кафе-концертов, казино. А у нас в Ялте, кроме жалкого театрала, сгоревшего зимой, ... туристу некуда деваться по вечерам” – писал крымский врач В. Святловский в 1902 г. [3, с. 47]. При этом отдых на “Русской Ривьере” зачастую стоил не меньше, нежели пребывание на лучших приморских курортах Средиземноморья. В начале XX века стоимость номера в ялтинской гостинице “Франция” во время бархатного сезона составляла 10 руб. в сутки без питания, в то время как в Ницце более благоустроенный номер с полным пансионом можно было снять за 12 руб. в сутки [4, с. 311].

Ситуация резко меняется с августа 1914 г., после начала Первой мировой войны. Военные действия на Западном и Восточном фронтах сделали практически невозможным посещение российскими гражданами ранее популярных среди них курортов Германии, Италии и Франции. Кроме того, просвещенную и финансово обеспеченную часть населения Российской империи охватил патриотический подъем, который отразился и на развитии курортного дела. Так, на страницах издававшегося в Петрограде журнала “Русская Ривьера” было опубликовано следующее обращение к читателям: “Именно Черноморский край призван заменить для самых широких кругов России прославленные заграничные курорты, отвлечь этим миллиарды русского золота, уплывавшего за границу”. Далее здесь же выдвигался тезис о том, что в природном отношении приморские курорты Франции и Италии уступают Черноморскому побережью Крыма и Кавказа, хотя и превосходят его “в культурном отношении” [5, с. 2].

В первые годы советской власти, а также в сталинский период, рядовые граждане СССР совершенно не имели возможности совершать путешествия за рубеж, вследствие чего они узнавали о жизни за пределами “одной шестой части суши” исключительно из советских средств массовой информации. Этим обстоятельством воспользовалась официальная пропаганда, создавая мифологему о том, что в “Красной Ницце” благодаря стараниям советской власти курортное обслуживание населения не уступает, а зачастую даже превосходит европейский уровень. На основе этого у советских людей сформировался комплекс мнимого превосходства над Ниццей, желание продемонстрировать свои иллюзорные достижения всему миру. Побывавший в 1936 г. на Южном берегу Крыма французский писатель Андре Жид писал: “... купальщики хотели от нас услышать, что ничего подобного у нас во Франции нет. Из учтивости мы не стали им говорить, что во Франции есть пляжи лучше, гораздо лучше этого” [6].

Своеобразным лейтмотивом информационно-пропагандистской работы с иностранными туристами (в том числе французами) в Крыму стал обращенный

к ним призыв воочию убедиться, какие замечательные возможности для отдыха и лечения граждан СССР предоставляет “Красная Ницца”. Действовавший в 1930-е гг. список объектов показа для иностранных туристов, путешествующих по Южному берегу Крыма, делал возможным посещение только 24 объектов, из которых 11 являлись санаториями и домами отдыха [7, л. 46]. Особое место среди объектов показа довоенного периода занимал крестьянский санаторий “Ливадия”, созданный в бывшей летней резиденции императорской фамилии. В условиях идеологического противостояния с капиталистическим миром Ливадия превратилась в главный символ перехода от элитарного отдыха дореволюционной знати к массовому туризму простых советских граждан. Вот как передавались впечатления одного из зарубежных гостей на страницах сборника “Гости пролетариата СССР”, изданного в 1932 г.: “15 лет назад Ялта была местопребыванием царской фамилии..., а сегодня мы, пролетарии, стоим на “лестнице Распутина” с одним крестьянином, который ещё несколько дней назад шел за телегой с навозом. Мы можем заключить с ним союз дружбы и братства в царском дворце, который является ныне санаторием для крестьян, больных туберкулезом. Они могут здесь лечиться, наслаждаться воздухом, солнцем, ароматом цветов и апельсиновых плантаций” [8, с.30]. Интересно, что путевые впечатления иностранцев о посещении Южного берега Крыма, опубликованные в советской прессе 30-40 лет спустя, содержали идентичные по смыслу цитаты: “Везде виноградники, сады и парки, а в них белеют дворцы-санатории, места отдыха трудящихся. Все, что когда-то принадлежало царям, помещикам и капиталистам сегодня во владении народа” [9].

В постсталинский период контакты между СССР и Францией заметно активизировались. Осенью 1959 г. муниципальный совет Ниццы выступил с инициативой наладить сотрудничество с Ялтой в рамках международного движения породненных городов. Данный вопрос был окончательно решен весной 1960 г., во время визита Н.С. Хрущева во Францию. Вскоре после этого в Ялте было создано городское отделение общества дружбы “СССР-Франция”, куда в качестве коллективных членов вошло несколько организаций и учреждений города. Спустя некоторое время ялтинские власти рассмотрели вопрос о деятельности данного отделения, обязав его руководство “усилить ознакомление французского народа с жизнью и деятельностью трудящихся Ялты и развитием курортов ЮБК ..., используя различные формы встреч с группами французских туристов и деятелями культуры и науки Франции” [10, л.233]. Действительно, в программах приема официальных делегаций из Ниццы продолжали доминировать туристско-рекреационные объекты. Так, побывав на Южном берегу Крыма в 1966 г., члены такой делегации осмотрели санатории “Ливадия” и “Парус”, курортный городок “Донбасс”, а также строительство высотной гостиницы “Интурист” в Нижней Массандре. По мнению принимающей стороны это должно было убедить французских гостей “в тех достижениях и успехах, которые имеют советские люди благодаря социалистическому строю...” [11, л. 294].

Кроме того, после изменения общественно-политического климата в СССР периода “оттепели” отдельные крымчане наконец получили практически

недоступную в сталинский период возможность посетить Ниццу. Во Францию несколько раз направлялись официальные делегации, представлявшие Ялту. Отдельные активисты городского отделения общества дружбы “СССР-Франция” также изредка могли претендовать на включение в состав специализированной туристской группы, направлявшейся в эту капиталистическую страну. При этом на уровне официальных отчетов, а также публикаций в советской прессе, продолжалась констатация превосходства Ялты над Ниццей. Руководитель крымской делегации, посетившей в 1960 г. Лазурный берег Франции, писал: “Город Ницца является хорошо обустроенным курортом, но только для капиталистов, а не для рабочих, [он] является прямой противоположностью нашего курорта, где организовано оздоровление рабочих государством или профсоюзами” [12, л. 163].

Тем же советским туристам, которые позволяли себе восхищаться одним из самых известных европейских курортов, руководители туристских групп доходчиво объясняли, что “...вся эта роскошь, чистота и порядок созданы для жалкой горстки богатеев, не знающих, куда девать деньги и свободное время” [13, л.133]. Когда во время посещения крымчанами в 1980 г. Лазурного берега Франции им был задан вопрос: “Что Вам понравилось в Ницце, хотели бы Вы здесь жить?”, он был оценен идеологическим активом группы как “провокационный”, наравне с вопросом о присутствии советских войск в Афганистане [14, л.8]. Однако даже такие редкие и строго регламентированные поездки совершались очень редко. Советские власти гораздо большее устраивало “дистанционное” общение ялтинцев со своими французскими побратимами, которое могло быть организовано в таких формах, как отправка приветственных телеграммам, обмен семенами и саженцами декоративных растений (книжными коллекциями, выставками детских рисунков), проведение заочных шахматных турниров и т.д.

В 1980-е гг. контакты ялтинских властей с официальными лицами Ниццы практически полностью прервались. Советская сторона винила в этом мэра города Ж. Мэдсена, которого характеризовали как “ярого антисоветчика, сильно подверженного влиянию США”. Определенные связи поддерживались лишь с наиболее “прогрессивными” жителями Ниццы, объединенными вокруг местного отделения Ассоциации “Франция-СССР” [15, л. 3-5]. Либерализация общественно-политического климата в СССР периода “перестройки” так и не привела к активизации международных связей между Ниццей и Ялтой, в отличие от её контактов с новыми “побратимами” – Фудзисавой (Япония), Санта-Барбарой (США), графством Дербишир (Великобритания).

Таким образом, на протяжении XX века парадигмальный образ Ниццы, как высококлассного европейского курорта, оказывал определенное влияние на развитие Ялты как “Русской Ривьеры” и “Красной Ниццы”. Однако в советский период кросс-культурный диалог двух курортных городов гораздо чаще велся на языке мифологем и стереотипов. Советская пропаганда позиционировала Ялту как “курорт будущего”, главным преимуществом которого являлась доступность для самых широких народных масс. А Ницца рассматривалась как “курорт прошлого”, где высокий уровень благоустройства и качественное

обслуживание “нивелировались” элитарностью, недоступностью отдыха для большинства граждан. И в этом контексте капиталистическая Ницца должна была служить для советских людей современной им проекцией дореволюционной Ялты, как “центра разгула и разврата кутящей буржуазии”. Той самой Ялты, которая, как тогда представлялось, безвозвратно ушла в прошлое с приходом советской власти. Впрочем, после распада СССР на постсоветском пространстве получила широкое распространение прямо противоположная по своему содержанию мифологема, в которой любой средиземноморский курорт представляется исключительно в идиллическом свете, в то время как любой отечественный курорт на побережье Черного моря рассматривается как “третьеразрядный”, априори проигрывающий зарубежным конкурентам. Подобные стереотипы, имеющие глубокие социокультурные корни, будут преодолены лишь тогда, когда миллионы жителей Украины получат недоступную им пока возможность посредством личного опыта сравнить свою рекреацию на “Черноморской Ривьере” с отдыхом на Лазурном берегу Франции.

Литература:

1. Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Фонда Герды Хенкель / Gerda Henkel Stiftung (Дюссельдорф, Германия), проект AZ 08/SR/10.
2. Город-курорт: сфера обслуживания, занятость населения, управление: справочно-аналитический обзор / [Б.Л. Финогеев, Г.Д. Боднер, Е.А. Желудковский]. – Симферополь, 1987. – 164 с.
3. Святловский В.Р. Южный берег Крыма и Ривьера / В.Р. Святловский. – СПб., 1902. – 222 с.
4. Мальгин А.В. Русская Ривьера / А.В. Мальгин. – Симферополь: СОНАТ, 2004. – 352 с.
5. От редакции // Русская Ривьера: Вестник Черноморского побережья, Кавказа и Крыма. – 1915. – № 1-2. – С. 2.
6. Жид А. Возвращение из СССР [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.readall.ru/lib_page_readall_104461.html.
7. Государственный архив г. Севастополя. – Ф. Р-250. – Оп. 1. – Д. 112. – 89 л.
8. Гости пролетариата СССР: Декларации, заявления, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР. – М.: Профиздат, 1932. – 301 с.
9. Король М. Незабываемые впечатления / М. Король // Курортная газета. – 1969. – 22 апреля.
10. Государственный архив в Автономной Республике Крым. – Ф. Р-1030. – Оп. 6. – Д. 188. – 320 л.
11. Там же. – Д. 353. – 466 л.
12. Там же. – Д. 316. – 333 л.
13. Там же. – Ф. Р-3776. – Оп. 1. – Д. 2385. – 153 л.
14. Там же. – Д. 2508. – 172 л.
15. Там же. – Ф. Р-4260. – Оп. 1. – Д. 110. – 40 л.